

Странички истории

В ТЕАТРЕ У КАНАВЫ

«Как только обзоры съезжали на постоянный двор, я, немедленно, тотчас же отправился отыскивать театр. Ну уж здесь и грязь! Просто ног не вытащишь! Как это тамбовцы ходят и ездят!.. Театр находится у Канавы—топкого оврага, в темном, непроходимом переулке. С великим трудом мог я добраться до тамбовского храма Талии и Мельпомены. Подойдя к нему, я сильно смутился духом. Неужели это ободранное, полуразвалившееся здание — театр!.. Кругом пустырь, овраги».

Таковы впечатления Ивана Лаврова, талантливого русского самородка, чья судьба—лучшее доказательство тому, что сила духа, трудолюбие и благородная цель способны помочь человеку в преодолении самых бесчеловечных условий жизни. Полуграмотный мальчишка из фабричных, певчий в церковном хоре, И. И. Лавров исключительно путем самообразования завоевывает в короткий срок вершины общественной и художественной культуры, достигает профессионального совершенства, позволившего ему встать в один ряд с крупнейшими мастерами русской сцены — В. И. Живокини, К. Н. Полтавцевым, М. Х. Рыбаковым, чьим партнером ему суждено стать впоследствии. Ему оказываются подвластны многие драматургические жанры, от водевиля до трагедии. В его репертуаре Шекспир, Гоголь. Но вершины ранней славы артист достигает в опере, и для нас лестно, что это были оперы нашего земляка А. Н. Верстовского «Громобой» (Лавров пел партию Четью) и знаменитая «Аскольдова могила», в которой исполнение партии Торопки открыло Лаврову путь на столичную сцену. В 1856 году Лавров становится одним из премьеров Большого театра, где служит до выхода на пенсию в 1875 году. В 1889 году, за три года до смерти автора, вышли мемуары И. И. Лаврова «Сцена и жизнь в провинции и в столице», ставшие давно уже библиографической редкостью. Извлечения, посвященные Тамбову, сделаны театроведом С. Г. Лендеу и любезно предоставлены для этих заметок.

Канавой в 1845 году, когда восемнадцатилетний Лавров приехал в Тамбов, называли часть бывших крепостных сооружений — ров, шедший по нынешней улице К. Маркса от площади до широкого в то время Студенца. На западном берегу этого рва стоял амбар, который один из предпринимателей купцов сдал предпринимателю В. И. Аносову, слегка приспособив здание для театральных представлений. «Театр был убийственно грязен и вех, как снаружи, так и внутри», — пишет Лавров. — Антрепренер не имел средств его исправить, начальство и общество города помощи не оказывало,

а хозяин здания, купец, не ходил совершенно излишним, даже недостойным тратить деньги на такое пустяковое дело».

Репертуар был обычным для театров той поры: драмы Кукольника, водевили Д. Ленского, переводные комедии, даже входившие в моду оперетты. Лавров играет в водевилях «Ямщики», «Анютины глазки», поет центральную партию в оперетте «Мнимый невидим-

ка». Театр постоянно полон, невзирая на то, что в кромешной тьме осенних вечеров через непролазную грязь добраться до него можно было с риском если не для жизни, то для здоровья — безусловно. Театральным городом Тамбов был уже в ту пору. Огромный успех выпал на долю «Аскольдовой могилы». Состав труппы был очень неплох. Главные партии в этом спектакле исполняли Малиновская, Г. Аносов (брат антрепренера), Бобров, Волков, Егоров. Торопку пел Лавров. Со всей непосредственностью описывает Лавров быт и нравы театра, положение провинциальных актеров, влиявшие и на художественную сторону дела. «Характерные костюмы, хотя и плохого свойства, мы получали из гардероба антрепренера; городское же платье и обувь доставал костюмер-рекавизитор от своих знакомых лакеев, которые давали платье своих господ, конечно, таким... Стрательное положение было бедного реквизитора — портного. Он зорко следил за актериками, одетыми в чужое платье. Некоторые из нашей братии имели привычку после спектакля улизнуть и заложить его... За несколько часов до выхода и веселия актер готов стойко и терпеливо уживаться с холодом и голодом. Как обмануть их? Порядочное общество актеров к себе не принимало; вне театра все ими гнушались и стыдились, особенно купечество... Книжки и газет не читали. Кроме трагедии да беспутих любителей мы ничем не могли окружить себя».

Эти искренние строки, написанные уже актером имитации, трудно читать без волнения. Впрочем, находились по-настоящему воспитанные и интеллигентные люди и в провинции среди состоятельных людей. Эти люди относились к театру как к средству просвещения, а не только развлечения. Естественно, и к актерам они относились уважительно. В Тамбове одним из таких людей был некто П. А. Б-в, о

котором Лавров пишет, что тот взялся финансировать сложную постановку «Аскольдовой могилы» и «...по правде все дело выполнил. Под его руководством были написаны декорации, сшиты костюмы и все сготовлено, что требовалось для оперы».

Фамилия просвещенного и энергичного тамбовского мецената все эти годы оставалась зашифрованной. По мнению тамбовского архивиста Т. Д. Исаева, совпадающему с предположениями некоторых краеведов, П. А. Б-в—это Петр Андреевич Болоховин, местный помещик, отличавшийся широтой интересов и пристрастием к искусствам. Благодаря его стараниям опера была поставлена, хотя и без завершающего акта, оказавшегося на по силам в постановочном отношении. «Когда же театр осветили еще небывалым освещением», — пишет Лавров, — мы совсем не узнали его. Зрители набрались полон театр. Торжество было совершенное! До конца сезона «Аскольдова могила» давалась 12 раз, что для провинции того времени—цифра внушительная. Второй раз Лавров служил в антрепризе В. И. Аносова в сезоне 1852/53 года, после чего дебютировал с успехом в Москве, в Малом театре, откуда и перешел в Большой, восстановленный после пожара.

Прочитав записки И. И. Лаврова, замечательный русский театровед, критик и переводчик С. А. Юрьев откликнулся тогда возмущенным письмом, выдержки из которого просто необходимо здесь привести: «Художественная картина, нарисованная Вами, с одной стороны, раскрывает перед нами жизнь того мира, из которого вышли крупные таланты, украшавшие и украшающие нашу сцену... с другой—заставляет двигаться терпеливой энергией, с какою русский человек переносит лишения, невзгоды и страдания, и с какою легкостью способен он сбрасывать с себя последствия разражающего влияния окружающей среды. Наконец, она возбуждает вопрос громадной важности: неужели эти творческие силы, которые способны обогатить наше искусство, не избавятся от страшной возможности погибнуть бесследно?»

Вопрос этот был поставлен всего за несколько лет до первой российской революции. Ответил на него Великий Октябрь, взорвавший социальный строй, унижавший и калечивший народные таланты. Только после революции исчезло понятие театральной провинции, а творческий труд актера из оскорбительного развлекательства превратился в общественное служение, о чем мечтали корифеи русской сцены.

А. СМЕРНОВ.